

Розов М.А.

**Проблема понимания и объяснения
в гуманитарных науках**

Мы постоянно сталкиваемся с резким противопоставлением естественных и гуманитарных наук, причем инициатива здесь явно принадлежит представителям наук гуманитарных. Похоже, что это определенная форма самозащиты, попытка отстоять свои старые позиции в условиях огромных успехов естествознания. Мне лично такая стратегия вовсе не представляется оптимальной. Прежде чем противопоставляться лидирующей области знания, надо попытаться овладеть арсеналом ее средств, попытаться ассимилировать ее опыт. Постоянное и целенаправленное культивирование своей обособленности и неповторимой специфики своей области исследований помещает гуманитарную науку на необитаемый остров и изолирует ее от общего потока человеческого познания.

Это очень странно и совершенно неоправданно, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, потому, что, как подчеркивают Пригожин и Стенгерс, «на любом уровне, будь то теория элементарных частиц, химия, биология или космология, развитие науки происходит более или менее параллельно»¹. Это отмечают и некоторые крупные представители гуманитарной науки. Так, например, Н.С. Трубецкой писал еще в самом начале 30-х годов: «Современная фонология отличается прежде всего своим последовательно структурным характером и систематическим универсализмом, эпоха же, в которую мы живем, характеризуется свойственной всем научным дисциплинам тенденцией к замене атомистического подхода структуральным, а индивидуализма – универсализмом (разумеется, в философском смысле этих терминов). Эта тенденция наблюдается и в физике, и в химии, и в биологии, и в психологии, и в экономической науке, и т. д. Следовательно, современная фонология – не изолированная наука. Она составляет часть широкого научного течения»². Во-вторых, при сопоставлении наук гуманитарных и естественных речь чаще всего вовсе не идет об использовании в сфере гуманитарных

¹ Пригожин И. и Стенгерс И. Порядок из хаоса. М. 1986. С. 51.

² Цит. по: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 64.

исследований конкретных методов физики или математики, которые и в рамках самого естествознания далеко не везде применяются. Традиционное противопоставление двух областей знания затрагивает, прежде всего, базовые онтологические представления, категориальные структуры мышления и методологические принципы, где Н.С. Трубецкой как раз и усматривает общие черты. Мы говорим, например, о науках идиографических и номотетических, о науках понимающих и объясняющих. Неужели и на этом столь общем уровне между гуманитарными и естественными науками лежит непроходимая грань? Мне это представляется крайне сомнительным. И, тем не менее, отдельные и иногда очень интересные заимствования естественнонаучного опыта в сфере наук гуманитарных чаще всего не подхватываются и задыхаются в чужеродной среде.

Цель статьи показать, что категориальные представления естественных наук вполне могут быть перенесены в сферу наук гуманитарных, и это не только не приводит к каким-либо противоречиям, но напротив существенно разъясняет возникающие здесь методологические трудности. Не имея возможности в рамках одной статьи охватить проблему целиком, остановимся на традиционном и идущим еще от Дильтея противопоставлении наук понимающих и объясняющих. Такой выбор вполне оправдан, так как указанное противопоставление представляется на первый взгляд достаточно очевидным и трудно преодолимым.

1. Утро туманное

Казалось бы, все ясно: гуманитарные науки в отличие от естественных имеют дело с текстом, а текст надо понимать. «Ни одно явление природы не имеет «значения», – пишет М.М. Бахтин, – только знаки (в том числе слова) имеют значения. Поэтому всякое изучение знаков, по какому бы направлению оно дальше не пошло, обязательно начинается с понимания»³. Ну, разве не очевидно, что в указанном плане изучение знака или литературного произведения принципиально отличается от изучения кристалла или куска горной породы? Против этого трудно возражать, но все-таки мы попробуем. Начнем с «глупого» вопроса: а разве физик или математик не начинает с

³ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. 1979. С. 292.

понимания? Я имею в виду не «понимание» явлений природы, ибо в этом случае гораздо больше подходит термин «объяснение». Речь идет именно о понимании текста, текста физических или математических работ. Дело в том, что объекты математики или физики примерно в такой же степени не существуют вне текста, как и персонажи художественных произведений.

Вспомним в этой связи рассказ Чехова «Репетитор». Гимназист седьмого класса Зиберов приходит к своему ученику Пете, которого он готовит во второй класс гимназии за шесть рублей в месяц. После занятия по латыни, которое демонстрирует, что Петя полнейший оболтус, следует такая сцена. Зиберов диктует Пете арифметическую задачу: «Купец купил 138 аршин черного и синего сукна за 540 рублей. Спрашивается, сколько аршин он купил того и другого, если синее стоило 5 рублей за аршин, а черное 3 рубля?» Петя решить эту задачу не может, но неожиданно обнаруживается, что и сам Зиберов не способен решить ее арифметически. Не будем дальше излагать эту «трагическую» историю. Нас интересует только следующее: очевидно, что вся описанная ситуация не существует для нас эмпирически, она дана нам только в тексте и благодаря тексту, но в такой же степени не дана помимо текста и ситуация с купцом, купившим сукно. Иными словами, анализ как литературной, так и арифметической ситуации, в равной степени предполагают понимание текста.

Но здесь, строго говоря, мы противопоставили друг другу не столько естествознание и гуманитарные науки, сколько естествознание и литературу. Физика изучает не только выраженные в тексте модели, но и внетекстовые физические явления, данные нам эмпирически. Это мир безгласных вещей, на что постоянно указывает Бахтин. Но разве литературные произведения не претендуют на нечто аналогичное: они тоже строят модели жизненных ситуаций, которые могут быть использованы и постоянно используются при анализе реальной жизни. Прочитав, например, рассказ Чехова «Репетитор», мы можем, столкнувшись с безграмотным преподавателем, сказать, что это тот же Зиберов. Литературный персонаж в этом случае выступает как репрезентатор при характеристике реального человека. Понимание литературного произведения вполне аналогично пониманию физической теории.

Но вернемся опять к М.М. Бахтину, ибо именно у него мы находим огромное разнообразие мыслей по этому поводу. «Гуманитарные науки, – пишет

он, – науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)»⁴. Как это следует понимать? Можно попытаться рассуждать следующим образом: гуманитарные науки изучают человека на базе его проявлений в форме текстов. Но так ли это? Конечно, никто не усомнится в том, что анатомия и физиология человека – это науки не гуманитарные. Но разве, например, лингвистика или литературоведение, науки, несомненно, гуманитарные, изучают человека? А потом разве можно вообще что-либо изучать, не имея дело с текстами? Познание – это исторический социальный процесс; познающий должен овладеть уже накопленными знаниями, т.е. текстами, и построить новое знание, т.е. опять-таки текст. И это в равной степени относится ко всем областям познания. Так в чем же специфика гуманитарных наук? Они изучают не столько человека, сколько надличностные социальные явления: язык, фольклор, миф, религия, литература... Эти явления не существуют вне и помимо текста, но вне и помимо текста не существует любая теоретическая модель, объекты любой теории, которая всегда строится применительно к некоторым идеализированным ситуациям. Но, может быть, Бахтина надо понимать в том смысле, что изучается не человек в его специфике, а именно эта специфика, т.е. способность человека создавать и понимать тексты?

В этом случае особенность гуманитарных наук в том, что они изучают сам текст, а не те модели реальности, которые текст выражает. Нас тогда должны интересовать средства и механизмы этого выражения, а не то, что выражено. В одном случае в тексте зафиксирована некоторая арифметическая задача, в другом – проблемная ситуация в сфере человеческих отношений, какая нам разница? Главное – надо понять, каким именно образом происходит эта фиксация. Но тогда суть не в понимании, ибо понимает любой ученый и вообще любой читатель, не ставящий перед собой никаких исследовательских задач. Суть в том, чтобы выяснить, что такое понимание. Понимание текста в таком случае – это вовсе не метод гуманитарных наук, это объект их исследования. И

⁴ Там же. С. 285.

здесь мы действительно попадаем в особый мир, в мир социальных норм, ибо любой текст и строится и понимается в рамках сложной системы таких норм, существующих в простейшем и исходном случае на уровне постоянного воспроизведения образцов речевых актов. Понимание – это просто включенность в эту систему норм, восприятие текста в свете соответствующих образцов. Специфика гуманитарных наук, следовательно, не в том, что они должны понимать, а в том, что они изучают сам процесс понимания.

Но такой подход явно недостаточен для того, чтобы противопоставить гуманитарные науки естественным на категориальном, методологическом уровне. Все научные дисциплины отличаются друг от друга предметом исследования, никакой тайны здесь нет. Может быть, суть в том, что изучение диспозиции текста быть понимаемым предполагает, что мы его понимаем? Да, мы должны его понимать, ибо в противном случае нет и объекта исследования, нет феномена понимания. Но в такой же степени нельзя изучать тепловые явления, если они никак не проявляют себя. Одна из форм проявления – это наши ощущения тепла и холода, но это никак не мешает нам изучать теплоту, как некоторое объективное явление.

2. Луч света в темном царстве

Подводя итог, можно сказать, что мы пока не только не решили проблему, но и не получили ее более или менее точной формулировки. А существует ли вообще проблема сопоставления или противопоставления наук понимающих и объясняющих? Мы полагаем, что такой проблемы вообще нет, что это псевдопроблема. Начнем с того, что сопоставлять понимание и объяснение в контексте сравнения разных типов научных дисциплин вообще неправомерно, ибо объяснение – это определенный тип знания или определенный научный подход (объясняющий подход), а понимание – некоторый индивидуальный, скорее всего, психологический акт. Тексты, как мы уже отмечали, понимают все носители данного языка, вовсе не обязательно гуманитарии или вообще исследователи. Для постановки проблемы соотношения понимания и объяснения нам необходимо, прежде всего, представить себе понимание в форме некоторого знания или научного подхода, направленного на получение этого знания. Оно по своему статусу должно совпадать с объяснением, относиться к одному классу явлений.

Что же собой представляет понимающий подход?

Говоря о разных подходах к изучению тех или иных объектов, мы обычно характеризуем ту сторону реальности, которая выделяется для исследования. Каждая научная дисциплина задает определенный специально-научный подход. Можно, например, говорить об анатомическом или физиологическом подходе к изучению живых организмов, об экологическом подходе и т.д. Существуют и общенаучные подходы, например, качественный и количественный подход, подход формальный и содержательный. Можно, как уже отмечалось, говорить об объясняющем подходе к изучению явлений, связывая его с изучением механизмов возникновения и существования этих явлений: причин, генезиса, строения. Существует ли в науке некоторый особый «понижающий подход»? Думаю, что да, но его еще надо реконструировать.

Обратите внимание на следующее. Представители гуманитарных наук все время противопоставляют понимание и объяснение как какие-то разные, но однопорядковые явления. Фактически они, сами того не осознавая, имеют в виду какой-то понимающий подход, но не дают ему никакой соответствующей характеристики. Но речь явно идет о какой-то научной, исследовательской акции. А любая такая акция в рамках науки должна давать результат, который фиксируется в социальной памяти в виде некоторого текста. Гуманитарий должен не просто понимать, он должен передать другим свое понимание, он должен его зафиксировать для других. Поэтому естественно возникает вопрос: какую сторону изучаемой гуманитарием реальности мы фиксируем, реализуя так называемое понимание или, точнее, понимающий подход?

Попробуем ответить на этот вопрос на максимально простом материале, на материале понимания имени. Проведем небольшой мысленный эксперимент, который в той или иной форме реально осуществлял почти каждый из нас, сам того не подозревая. Спросим у человека, как он понимает имя «Вальтер Скотт»? Это имя, разумеется, можно заменить любым другим общеизвестным именем. Обычный ответ такой: Вальтер Скотт – это шотландский писатель, автор таких-то исторических романов. Но это ответ неточный, и на это следует указать. Мы спрашивали относительно имени «Вальтер Скотт», а нам характеризуют не имя, а денотат этого имени. Если это объяснить, то человек отвечает так: «Вальтер Скотт» – это имя, обозначающее шотландского писателя, написавшего такие-то и такие-то романы. Но имя само

по себе ничего не обозначает, обозначаем мы, используя это имя. Фактически отвечающий зафиксировал некоторое правило, или некоторую норму употребления имени. Отвечая на вопрос о содержании его понимания, он описал некоторую практику словоупотребления. Это, как нам представляется, достаточно тривиальное и, тем не менее, очень важное наблюдение.

Попробуем построить некоторую более точную модель происходящего. Слова естественного языка мы, как правило, используем, опираясь на непосредственные образцы словоупотребления. Именно таким образом усваивает язык ребенок, ибо в его распоряжении нет никаких источников информации о языке, кроме образцов живой речи. Именно так совершенствуется и обогащается язык взрослых. Понимание, как уже отмечалось, – это включенность в соответствующие образцы речи, восприятие текста в их свете. Что же описывает человек, фиксируя в языке свое понимание? Очевидно, что содержание тех образцов, на которые он опирается. Действительно, поставьте описанный выше эксперимент над самим собой. Что вы будете делать, если вас спросят, как надо понимать какое-либо слово, например слово «ваза»? Вы, вероятно, вспомните, о таких выражениях как «ваза с фруктами» или «ваза для цветов» и представите себе соответствующие ситуации. Вы вспомните, что фрукты могут лежать не только в вазе, но и на блюде, и это заставит вас уточнить свой ответ. Возможно, что вы вспомните и о спортивных кубках, которые иногда очень похожи на вазы, но имеют почему-то другое имя. Что же вы делаете? Вы перебираете имеющиеся у вас образцы словоупотребления, пытаетесь дать их общее описание. Важно подчеркнуть, что в вашем сознании всплывают не только ситуации, в которых данное слово употребляется, но и сходные ситуации, в которых, однако, используются другие слова.

А как быть с объяснением?

Итак, понимающий подход, применительно к слову – это совокупное содержательное описание тех образцов, которые определяют наше словоупотребление. А что же в таком случае остается на долю объясняющего подхода? Думаю, что выявление этих образцов и их связей. В гуманитарных науках давно принято говорить о традициях, о традициях в литературе, в искусстве, о фольклорных традициях. Но традиция, как нам представляется, это очень масштабное и сложное явление, а в нашей повседневной жизни, здесь и

теперь мы действуем по образцам, которые сосуществуют в данный момент в нашем «поле зрения». Традиция – это явление в рамках диахронии, а синхронный анализ требует других представлений. Здесь на первое место выступают социальные эстафеты, т.е. отдельные образцы и механизмы их реализации. Их выявление и составляет в данном случае задачу объясняющего подхода.

Высказанный тезис достаточно сложен и предполагает существенную детализацию. Может показаться, что объясняющий подход в такой трактовке представляет собой нечто почти бессодержательное. Допустим, что человек, которому вы задали вопрос о понимании слова «ваза», отвечает вам, что вазой он называет сосуды, которые служат для помещения цветов или фруктов, и могут быть из разного материала и разной формы, но отличаются от блюд или кувшинов. Не будем придираться к этой характеристике, ибо суть не в этом. Спросим нашего респондента, почему он употребляет это слово так, а не иначе? «Да, потому что все так делают», – отвечает он. Ответ тривиальный и в принципе даже верный, но при этом вовсе не выявляющий механизма происходящего. Много ли мы получили информации, услышав этот ответ? Да, почти никакой. Мы можем бесконечно повторять, применительно к разным случаям «я действую так-то и так-то, потому что другие действуют таким же образом». Фактически мы объяснили все ситуации поведения раз и навсегда. Но так ли? Что скрывается за этой фразой «другие действуют таким же образом»? Не вдаваясь в конкретные детали, попробуем ответить на этот вопрос в общем виде.

Во-первых, следует различать действия по образцам и действия по вербально зафиксированным правилам. Когда наш испытуемый, сформулировав некоторое правило употребления слова «ваза», заявляет, что все так делают, он уже допускает некоторую ошибку. Он ведь впервые сформулировал свое правило, а все другие действовали по непосредственным образцам. Не исключено, что и он сам в дальнейшем будет постоянно отказываться от своего правила как в знаменитом разговоре Сократа с Евтидемом, где обсуждаются понятия «справедливое» и «несправедливое». Евтидем первоначально предполагает, что ложь следует отнести к поступкам несправедливым, но тут же меняет точку зрения, когда Сократ приводит в качестве примера обман неприятеля. Евтидем формулирует новое правило: справедливо обманывать

врагов, но не друзей. Но и от этого понимания приходится отказаться, когда Сократ спрашивает, можно ли с помощью обмана заставить больного ребенка принять лекарство. Очевидно, что Евтидем отказывается от своих правил под давлением образцов.

Во-вторых, очень важно иметь в виду, что отдельно взятые образцы не задают никакого четкого множества возможных реализаций, т.е., строго говоря, и не являются образцами. Они приобретают относительно определенное содержание только в контексте других образцов и в условиях тех или иных конкретных ситуаций. Объяснение актов словоупотребления предполагает поэтому не просто отсылку к предшественникам, но выявление совокупности образцов и их связей, т.е. выявление определенных структур, которые мы будем называть эстафетными структурами. Образцы, например, постоянно конкурируют друг с другом, и мы сплошь и рядом колеблемся, назвать тот или иной сосуд вазой, кубком или декоративной бутылкой. В ряде случаев начинают доминировать образцы практического употребления той или иной вещи в данный момент, и вазой можно назвать даже обыкновенную бутылку, если мы использовали ее для цветов. Обратите внимание, здесь возникает новая связь, связь образцов словоупотребления и образцов практического использования предмета.

Возможны и другие связи. Можно ли, например, сказать, что мы используем то или иное собственное имя, имея в поле зрения только конкретные образцы именованного или остенсивные определения? Вспомните пример Л. Витгенштейна. Если я указал на некоторого человека и произнес слово Петр, то откуда вы знаете, что я назвал собственное имя этого человека, а не его национальность или специальность, не цвет его рубашки и т.д.? Конечно, здесь имеет место конкуренция со стороны других образцов, ибо национальность, специальность и прочее обозначаются другими словами. Но плюс к этому мы воспринимаем ситуацию в свете множества других образцов использования собственных имен. При этом в качестве образцов фигурируют не отдельные акты именованного, а их постоянное воспроизведение применительно к тому или другому человеку. Мы же понимаем, что есть разница между использованием таких ситуативных характеристик как «улыбается», «работает», «спит» и использование собственных имен. Это не дано в отдельных актах именованного. Это означает, что в данном случае некоторая эстафета

использования нового имени строится по образцу других аналогичных эстафет. В качестве образца выступает не отдельный акт, а образцы воспроизведения этого акта.

Объясняющий подход к изучению слова явно не совпадает с подходом понимающим и ставит перед исследователем достаточно сложные задачи. Представьте, например, такую ситуацию, которую автор лично наблюдал. В дом входит пожилая женщина, и ей навстречу поднимается большая собака. «Фу! – говорит хозяин, – На место!» «Какое странное имя Фу», – удивляется женщина. Очевидно, что команду «фу» она раньше не слышала и в приведенном контексте приняла ее за имя собаки. Каков же должен быть контекст словоупотребления, какие образцы надо продемонстрировать, чтобы женщине стало ясно, что речь идет о команде? Можно, конечно, просто сказать, что «фу» – это не имя. Но разве относительно огромного количества других слов нашего языка нам что-то подобное говорили? Очевидно, что нет.

Хочется подчеркнуть, что, обсуждая все эти вопросы, связанные с объясняющим подходом в гуманитарных науках, мы попадаем в новый и почти неисследованный мир, в мир, который как-то не принято замечать. Мы описываем содержание образцов, вербализуя тем самым некоторые социальные нормы и полагаем, что этого вполне достаточно. Автор часто сталкивался с таким возражением: да, можно согласиться, что человек воспроизводит образцы, что эстафеты – это способ существования социальных программ, но мы и описываем содержание этих программ или, что то же самое, описываем человеческое поведение и деятельность по этим программам, что еще вы хотите добавить? Весь мир эстафетных структур, эстафетных связей выпадает здесь из поля зрения. Думаю, что гуманитарные науки действительно используют в основном понимающий подход, но это не их принципиальная специфика, а просто особенность этапа развития. К этому мы еще вернемся, а пока остановимся на еще одной детали.

Иногда мы объясняем тот или иной способ действия его целесообразностью. Это может иметь место при описании, как исторических событий, так и технологических процессов. Возьмем простейший пример: «мы консервируем продукты, ибо иначе они испортятся». Можно ли сказать, что в данном случае мы реализуем объясняющий подход при изучении деятельности? Ни в коем случае. Речь опять-таки идет о вербализации образцов, о фиксации

прошлого опыта. Любая деятельность предполагает наличие цели, ибо в противном случае она просто не является деятельностью. Но отдельно взятый образец поведения может быть реализован в условиях разных целевых установок. Два научных работника ставят один и тот же эксперимент, но один заинтересован в решении какой-то проблемы, а для другого на первом месте защита диссертации. Два абитуриента сдают вступительные экзамены в Университет, но один хочет посвятить себя научной работе, а другой – избежать призыва в армию. Но целевая установка может быть выявлена только в рамках некоторой эстафетной структуры, которая задает образцы использования продуктов одного акта в качестве условий реализации другого. Иными словами, мы имеем здесь дело с цепочками актов, выступающих в качестве образцов. Телеологические объяснения и представляют собой вербализацию сложных образцов такого типа.

3. Опасные связи

Сделаем теперь достаточно рискованный шаг и, посягая на священную неприкосновенность гуманитарной науки, попробуем сопоставить ее с физикой. Есть ли в физике нечто аналогичное понимающему подходу?

Аналогия с термодинамикой и кинетической теорией

Обратим внимание на следующее: если гуманитарии противопоставляют объясняющий подход понимающему, то в физике он издавна противопоставляется феноменологическому описанию, т.е. внешнему описанию поведения физической системы без анализа его механизмов. Вот пример такого противопоставления: «Существуют два метода изучения состояний макроскопических систем – *термодинамический и статистический*. *Термодинамический метод* не опирается ни на какие модельные представления об атомно-молекулярной структуре вещества и является по своей сути методом феноменологическим. Это значит, что задачей термодинамического метода является установление связей между непосредственно наблюдаемыми (измеряемыми в макроскопических опытах) величинами, такими, как давление, объем, температура, концентрация раствора, напряженность электрического или магнитного поля, световой поток и т.д. Наоборот, никакие величины, связанные с атомно-молекулярной структурой вещества (размеры атома или молекулы, их массы, количество и т.д.) не входят в рассмотрение при термодинамическом

подходе к решению задач.»⁵ Итак, феноменологический метод или подход – это описание некоторой наблюдаемой картины без попытки объяснить происходящее. Напротив, объяснение, например, объяснение поведения газа, предполагает построение атомно-молекулярных моделей.

Все это можно сформулировать в более общем плане с помощью представлений о «черном» и «белом» ящиках. Представьте себе ящик, имеющий вход и выход и способный как-то преобразовывать входные воздействия в выходные. Мы при этом не открываем ящик и не имеем представления о том, как он устроен. Единственное, что мы можем, – это наблюдать входные и выходные сигналы и устанавливать связи между ними. Поступая таким образом, мы имеем дело с «черным ящиком», который и моделирует феноменологический подход. Но можно «вскрыть» ящик, сделав доступным его внутреннее устройство и объяснив таким образом, как он работает. Сделав это, мы превращаем «черный ящик» в «белый». Дело, однако, в том, что чаще всего никакого буквального вскрытия не происходит, а если и происходит, то оказывается недостаточным для описания механизма поведения системы. Механизм приходится теоретически конструировать на базе уже накопленного опыта. Не случайно один остроумный ученый сравнил исследователя с человеком, который, сидя в концертном зале и слушая музыку, должен ответить на вопрос, как устроен рояль.

Так нельзя ли представить так называемый понимающий подход как подход феноменологический? Действительно, что мы описываем, говоря о понимании имени, если не феноменологию человеческого поведения со знаком. Мы описываем именно феноменологию, не вдаваясь в те механизмы, которые закрепляют такое поведение. Сказанное можно естественно обобщить на все случаи понимающего подхода, на понимающий подход к пословице, к литературному произведению, к любой деятельности вообще. Вот, например, описание одной из технологий гончарного производства: «Если делается большой сосуд, то в начале гончар вытягивает на круге половину будущей емкости (до участка перехода тулова в плечико). Эту часть снимает с круга и вытягивает вторую (верхнюю) часть отдельно. Затем соединяет обе вытянутые

⁵ Румер Ю.Б. Рывкин М.Ш. Термодинамика, статистическая физика и кинетика. М., 1977. С. 11.

части.»⁶ Перед нами чисто феноменологическое описание: фиксируется последовательность непосредственно наблюдаемых операций, которые осуществляет гончар, если ему надо сделать большой сосуд. Можно представить все это как «черный ящик», где на входе – определенная задача, а на выходе – описанная производственная процедура. Мы при этом не объясняем, почему гончар поступает именно так, в какой форме и где существуют те «программы», которые он реализует.

При анализе литературного произведения мы сталкиваемся с более сложной ситуацией. С одной стороны, это произведение является продуктом деятельности художника, и понимающий подход может состоять в описании феноменологии этой деятельности, реальной или воображаемой. Я говорю «воображаемой», ибо чаще всего деятельность реконструируется по продукту, т.е. анализируя уже готовое произведение, мы пытаемся сформулировать те правила или принципы, которыми якобы руководствовался художник. Это примерно так, как если бы мы, имея готовый сосуд, попытались бы восстановить технологию его изготовления. Такого рода задачи приходится решать археологу. Иногда это очень трудно сделать, как, например, в случае египетских пирамид. Думаю, что в случае литературного произведения мы сталкиваемся с задачей, по крайней мере, не менее сложной. И если нам говорят, что писатель использовал те или иные приемы или методы для воздействия на читателя, то всегда следует отдавать себе отчет в том, что скорее всего это придумал сам исследователь, анализируя произведение. Не случайно же говорят, что все знают, как сделан «Дон Кихот», но никто не знает, как его сделать. У нас есть образец продукта, которого не было у Сервантеса.

Но есть здесь и другая сторона. Литературное произведение, как и глиняный сосуд, не только создается, но и используется. Понимающий подход может поэтому состоять в описании того, как читатель использует или должен использовать литературное произведение. Последнее, однако, сильно отличается от глиняного сосуда. Писатель описывает поведение своих героев в тех или иных конкретных жизненных ситуациях, задавая фактически образцы такого поведения. Не секрет, что читатель сплошь и рядом начинает воспроизводить эти образцы. Ю.М. Лотман, например, пишет, что в

⁶ Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С. 60.

произведениях Рылеева «Наталья Долгорукова» и «Войнаровский» «был создан стереотип поведения женщины-героини», которому и следовали жены декабристов⁷. Описание этих образцов, этих заданных стереотипов и может представлять собой понимающий подход к произведению. Здесь, однако, нам нужны дополнительные разъяснения. Постойте, может возразить читатель, эти же образцы уже описаны художником! Дело в том, что возможны разные уровни описания. Можно опять-таки провести некоторую аналогию с естествознанием или математикой. В египетских математических папирусах мы сталкиваемся с образцами решенных задач, но там нет правил их решения. Приведены конкретные численные условия, конкретные вычисления, их результат и ничего больше. Читатель еще должен понять, что его задача подобна той, которая приведена в папирусе, и суметь провести аналогичные вычисления. Уже современный школьник опирается не только на такие образцы, но и на правила. Он, например, знает, что площадь треугольника равна половине произведения основания на высоту. Настоящий художник не диктует нам никаких правил, не строит обобщений, не дает оценок, он описывает поведение героев во всей их конкретности. Такое описание, как и непосредственный образец, не задает четкого множества возможных реализаций. Оно допускает разные интерпретации. Понимающий подход состоит в рационализации этого образца, в его более или менее однозначной, но абстрактной формулировке.

Речь, разумеется, вовсе не обязательно идет о подражании героям того или иного произведения. Писатель описывает определенную конкретную жизненную ситуацию, которая может стать репрезентатором, моделью при анализе окружающей читателя действительности. Мы при этом не воспроизводим образцы, а распознаем в реальной жизни описанные ситуации. Они становятся средством познания, средством нашей ориентации в сложном мире человеческих характеров и отношений. Это напоминает диагностику болезней или распознавание растений, животных или грибов. Но одно дело, если вам просто показали гриб или цветок, а другое, если перечислили его признаки, район произрастания и т.д. Нечто подобное происходит и при

⁷ Лотман М.Ю. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн. 1992. С. 316.

понимающем подходе к литературному произведению. Вспомните, например, с детства знакомую статью Добролюбова «Что такое обломовщина».

Итак, литературное произведение представляет собой, с одной стороны, продукт некоторой деятельности, а с другой, – оно как-то используется читателем, и, в частности, задает образцы поведения или жизненных ситуаций. Понимающий подход предполагает в первом случае феноменологическое описание деятельности автора, а во втором – выражение представленных образцов в форме ряда абстрактных правил. Что касается объясняющего подхода, то он должен быть направлен на выявление тех эстафетных структур, которые определяли деятельность автора и восприятие читателя.

По вполне понятным причинам приведем здесь только максимально простой и несколько искусственный пример. В качестве литературного произведения возьмем старый анекдот. На берегу реки сидит обезьяна и болтает в воде ногами. «Что ты делаешь?» – спрашивает проплывающий мимо крокодил. «Дай рубль, скажу». Крокодил дает рубль. «Ноги мою», – говорит обезьяна. «А, дура!» – говорит огорченный крокодил и плывет дальше. «Дура душой, – возражает обезьяна, – а сто рублей в день имею!» Попробуем реализовать понимающий подход к этому анекдоту. Чаще всего мы смеемся над неожиданной ловкостью и хитростью обезьяны, над тем как ловко она всех обманывает, зарабатывая деньги. Обезьяна хитра и сообразительна, крокодил глуп, он остался в дураках. Но возможна и другая интерпретация. Крокодил очень любознателен и не склонен к традиционному и привычному восприятию мира. Он ищет глубоких причин событий и огорчен тем, что все оказалось столь тривиально. Он оказался в дураках, но это горе от ума. Крокодил мыслитель, обезьяна приземленный мещанин, горизонт которого ограничен соображениями материальной выгоды.

На базе каких образцов строятся эти две интерпретации? На какие образцы опирается читатель? В первом случае, вероятно, мы понимаем анекдот в свете множества других случаев ловкого обмана и плутовства, которые нам известны. Вторая интерпретация у меня лично возникла, когда я вспомнил известную каждому философу легенду о Фалесе, согласно которой он, наблюдая звезды, свалился в яму, развеселив проходящую мимо старушку. «Эх, ты! – сказала она. – Хочешь познать звезды, а не видишь то, что у тебя под ногами».

Очевидно, что разная рационализация описанной в анекдоте ситуации обусловлена здесь тем, что мы опираемся на разные образцы.

Но возможна и третья, совсем иная интерпретация анекдота. Выше мы уже отмечали, что одно и то же поведение может предполагать разные целевые установки. Два студента сидят на лекции, и внешне их поведение почти полностью совпадает, но один хочет получить специальность, а другой спасается от призыва в армию. Таких ситуаций множество. А не представляет ли собой данный анекдот описание именно такой ситуации? Что делает обезьяна, деньги зарабатывает или ноги моет? Фактически она делает и то и другое, все дело только в целевой установке. А как ее выявить? Верить ей на слово? Но она уже дважды высказалась по этому поводу, противореча сама себе. Не такая уж простая проблема в большинстве реальных случаев.

Вездесущий Нильс Бор

Итак, и в естественных, и в гуманитарных науках наблюдаются два подхода к изучению явлений: феноменологический и объясняющий. Так называемый понимающий подход – это всего лишь частный случай феноменологического. Можно сказать, что это феноменологический подход к описанию семиотических объектов. Но аналогия с физикой на этом не кончается, она оказывается еще более глубокой, чем было показано выше.

Нильс Бор по свидетельству Гейзенберга утверждал в своих беседах, что феноменологическая термодинамика и статистическая физика взаимно дополнительные, и результаты одной из них нельзя однозначно сопоставлять с результатами другой. «Ситуация наблюдения, в которой производится измерение температуры или снятие показаний термометра, находится во взаимоисключающем отношении с другой ситуацией, в которой могут быть определены координаты и скорости всех входящих в рассмотрение частиц»⁸. А нельзя ли распространить этот принцип и на соотношение понимающего и объясняющего подходов в гуманитарных науках? Мне представляется, что можно. Академик А.Б. Мигдал писал о принципе дополнительности: «В физике идея Бора приводит к количественным соотношениям, что и доказывает ее важность. В других областях идея дополнительности на первый взгляд кажется почти тривиальной. Однако ее ценность доказывается тем, что она помогает в

⁸ Гейзенберг Вернер Физика и философия. Часть и целое. М. 1989. С. 229.

поисках направления развития...»⁹. Мы все же попробуем обосновать свою точку зрения, несмотря на ее кажущуюся тривиальность.

Нам при этом нет смысла анализировать какой-то сложный или многообразный материал. Вполне достаточно показать дополнительную понимающего и объясняющего подходов на материале, который нами уже выше проанализирован, на материале исследования какого-либо слова. Как уже отмечалось, слова естественного языка мы используем, как правило, следуя непосредственным образцам словоупотребления. Но образцы сами по себе не задают четкого множества возможных реализаций. Все существенно зависит от ситуативного контекста, от практической ситуации. Иными словами, в практике словоупотребления слово вообще не имеет строго определенного содержания. А это уже означает, что понимающий подход, претендующий на вербализацию этого «содержания», не столько его фиксирует, сколько конструирует заново. Описывая эстафетные структуры, в рамках которых слово употребляется, мы не определяем еще его содержания, а строя содержание, строим тем самым и новую эстафетную структуру.

Можно рассуждать следующим образом. Пусть мы имеем некоторое слово K , которое воспроизводится по образцам в рамках эстафетной структуры S_1 , именно эта структура определяет характер воспроизведения, т.е., если можно так сказать, и «содержание» образцов. Допустим, что мы пытаемся максимально точно отобразить это «содержание» в языке. Но язык – это тоже множество эстафет, и каждое описание – это воспроизведение тех или иных образцов речи. Эти последние существуют в некоторой лингвистической эстафетной структуре S_2 , которая в свою очередь тоже определяет характер их воспроизведения. Таким образом, слово K неизбежно воспринимается в разных контекстах S_1 и S_2 , и имеет поэтому, если опять-таки можно так выразиться, разное «содержание». Описывая эстафетные структуры словоупотребления, мы не определяем однозначно того содержания, которое зафиксировано в описании феноменологии речевого поведения, а феноменологическое описание этого поведения в свою очередь фиксирует содержание, заданное при участии другой эстафетной структуры, эстафетной структуры языка. По сути дела, это «содержание» и есть в определенной степени порождение самого языка.

⁹ Мигдал А.Б. Физика и философия. // Вопросы философии. № 1. 1990. С. 17.

А существует ли вообще это содержание в практике воспроизведения непосредственных образцов? Если и существует, то, строго говоря, мы ничего не можем о нем сказать, ибо сказать – значит породить новое содержание. Но анализ практики воспроизведения образцов дает основания полагать, что такого содержания вообще не существует или, точнее, оно есть нечто крайне неопределенное. Это обусловлено тем, что практика воспроизведения образцов очень ситуативна и контекст воспроизведения постоянно меняется. Более того, изменение контекста имманентно присуще каждой эстафете, ибо каждый акт воспроизведения ее образцов задает новые образцы.

Можно вслед за Бором рассуждать и несколько иначе. Бор писал в 1948 году: «Практическое применение всякого слова находится в дополнительном отношении с попытками его строгого определения».¹⁰ Что имеется в виду? Сам Бор явно скупится на разъяснения, но нам представляется, что интуиция его не обманывает и приведенные высказывания заслуживают детального анализа. Обратите внимание, Бор фактически утверждает, что в ходе практического использования слова, мы не можем его точно определить, а, дав точное определение, теряем возможность практического использования. Ну, разве это не парадокс?!

Суть, вероятно, в следующем. Как мы уже говорили, практическое использование слова, т.е. воспроизведение его по образцам в практике речи, всегда достаточно ситуативно, ибо зависит от большого количества случайных обстоятельств. Можно сказать, что в практике речи оно вообще не имеет точного значения. Если же мы хотим зафиксировать это значение, то нам необходимо зафиксировать и некоторые обстоятельства, т.е. построить в той или иной форме некоторую идеализацию. Но тогда обнаруживается, что это слово нигде не применимо в реальных ситуациях.

Сказанное о слове можно отнести к любому общему утверждению или к любой теории. Так называемые идеализированные объекты типа материальной точки – это как раз один из вариантов рефлексивного осознания сферы применимости теории. С одной стороны, материальных точек не существует, и поэтому механика, если мы попытались точно зафиксировать сферу ее применения, нигде не применима. Но с другой стороны, как мы все знаем,

¹⁰ Там же. С. 398.

механика точки повсеместно применяется в практической жизни, применяется там, где поставленные задачи позволяют представить то или иное реальное тело как точку. Однако общего правила такого применения не существует.

Нечто аналогичное сказал однажды А. Эйнштейн о математике: «Если теоремы математики прилагаются к отражению реального мира, они не точны; они точны до тех пор, пока они не ссылаются на действительность».¹¹ Итак, если мы точно их формулируем, они нигде не применимы, а если мы их практически применяем, то не можем точно их сформулировать. Эйнштейн говорит фактически то же самое, что и Бор, но, разумеется, не усматривает в этом принципа дополненности, который он, как известно, вообще не принимал.

В свете сказанного становится понятным известное высказывание Н.Бора, согласно которому истина и ясность взаимно дополнительны. Если мы хотим сформулировать точное общее утверждение, то это, как правило, предполагает некоторую идеализацию и в этом смысле не соответствует эмпирической реальности. Если же мы хотим добиться этого соответствия, то нам придется делать бесконечное количество оговорок, предусматривая все возможные изменения ситуации, о которой мы говорим. Попробуйте, например, описать путь к вашему дому от ближайшей станции метро, но так, чтобы этим описанием можно было пользоваться при всех обстоятельствах. По сути дела из высказывания Бора уже следует принцип фальсификации Поппера.

Приведем теперь конкретный пример понимающего подхода к анализу пословицы, описанный А.А. Крикманном. Автор отмечает, что «пословичный текст оказывается неопределенным «потенциалом» не только по отношению к конкретным возможностям употребления, но и по отношению к своим возможным абстрактным семантическим описаниям: мы можем давать пословице несколько разных описаний, ни одно из которых не будет исчерпывающим и из числа которых трудно предпочесть одно другому»¹². В качестве иллюстрации автор берет эстонскую пословицу «пустой мешок не стоит». Очевидно, что мы используем пословицу, следуя определенным образцам, а эти образцы не задают четкого множества возможных реализаций.

¹¹ Эйнштейн А. Собр. научных трудов. Т. 2. М., 1966. С. 83.

¹² Крикманн А.А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы. // Паремнологический сборник. М. 1978. С. 86.

Пословица имеет неопределенный «потенциал» возможных употреблений. Попробуем, однако, зафиксировать более или менее точно этот «потенциал», т.е. описать содержание пословицы. К чему это приведет? Автор дает несколько описаний и в том числе следующее: «Если объект, у которого, в зависимости от его сущности или по каким-нибудь внешним и случайным обстоятельствам, отсутствует (или не является реальной) возможность перейти в качественно более высокое или более негэнтропийное состояние, не достигнет этого и в действительности, пока существуют причины, отрицающие или минимизирующие эту возможность (если они не являются сущностными); и если даже он по каким-либо внешним или случайным обстоятельствам попал в это состояние, то не может пребывать в нем после прекращения влияния этих случайных факторов». Такое описание может вызвать только улыбку, но мы приводим его, чтобы подтвердить оценку самого автора, который пишет, что описания такого рода «в значительной мере отражают не свойства самого описываемого объекта, а особенности языка описания и сознания описывающего»¹³.

4. Ясное как солнце сообщение...

Подведем некоторые итоги.

Традиционно говорят о науках понимающих и объясняющих. Но такое противопоставление не имеет смысла, ибо понимание в отличие от объяснения не является научным методом или подходом. Текст понимает любой человек, владеющий соответствующим языком. Ученый, изучающий текст, должен не только понимать, но и зафиксировать свое понимание для науки. Возникает вопрос: какую сторону объекта он описал, фиксируя это свое понимание? Для ответа нам надо построить определенную модель текста. Мы представляем его в форме некоторой совокупности взаимосвязанных и постоянно воспроизводимых образцов, в форме некоторой эстафетной структуры. Именно в рамках таких структур реализуется практика словоупотребления, практика построения и понимания текстов. Но каждую такую структуру можно описывать с двух точек зрения: со стороны содержания образцов и со стороны их структурных связей. Более или менее ясно, что, объясняя семиотическое

¹³ Там же.

поведение того или иного человека, мы в огромном количестве случаев можем сослаться на образцы, которые он реализует. Объяснение здесь предполагает выявление соответствующих эстафетных структур. Что же мы фиксируем, говоря о понимании? Я предполагаю, что содержание образцов. Описание этого содержания и названо в статье понимающим подходом.

На базе введенных представлений уже можно с полным правом сравнить гуманитарные науки с естественными. Но обнаруживается при этом не столько их различие, сколько фундаментальное сходство. Можно описывать внешнее поведение газа, фиксируя связи между такими его параметрами как объем, давление, температура, а можно аналогичным образом описывать внешнее поведение человека, фиксируя, разумеется, другие параметры. В физике это именуется феноменологическим подходом. Но ведь описание содержания образцов полностью совпадает с феноменологическим описанием человеческого поведения. Иными словами, понимающий и объясняющий подход в гуманитарных науках – это то же самое, что феноменологический и объясняющий подход в физике. Более того, оказывается, что соотношение этих подходов в обоих случаях описывается принципом дополнительности Нильса Бора. Ну, разве не проливает это яркий солнечный свет на так называемую проблему соотношения наук понимающих и объясняющих?

Предложенная концепция позволяет преодолеть целый ряд методологических трудностей, с которыми мы постоянно сталкиваемся при исследовании семиотических объектов. Суть в том, что, настаивая на специфике гуманитарного познания как познания, связанного с пониманием, гуманитарии при этом не выявили суть понимающего подхода, они его не конституировали. А тем самым они не конституировали и понимающий подход. Это приводило и приводит к особому рода однотипным парадоксам при исследовании семиотических объектов. Приведем несколько примеров.

В 1928 году появляется работа В.Я. Проппа "Морфология сказки"¹⁴, которой было суждено стать классической. Пропп исходит из аналогии с морфологией растений и пытается построить нечто аналогичное применительно к фольклорной сказке, выявить ее структуру, ее строение. Каков результат этой работы? Оказалось, что, как бы ни менялся характер действующих лиц сказки,

¹⁴ Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969.

их функции и последовательность этих функций остаются в основном постоянными. Допустим, например, что в разных сказках нам встретились такие эпизоды: 1) царь посылает Ивана за царевной, и Иван отправляется; 2) сестра посылает брата за лекарством, и брат отправляется; 3) кузнец посылает батрака за коровой, и батрак отправляется. Здесь в качестве инвариантов выступают две функции: отсылка и выход в поиск. Оказалось, что число функций ограничено (31 функция), а последовательность их всегда одинакова. Именно это и выступает в качестве морфологии или анатомии волшебной сказки.

Парадокс состоит в следующем. Сказка – это реальное историческое, социокультурное явление, существующее в пространстве и времени, а ее строение, согласно Проппу, образуют сказочные герои, которые в этом эмпирическом пространстве и времени никогда реально не существовали. Над этим стоит задуматься. Сам Пропп в дальнейшем признал, что морфологию ему выявить не удалось, что он описал не морфологию, а композицию сказки. А в чем же причина парадокса? Пропп реализует понимающий подход к изучению сказки, он описывает не строение, не морфологию, а тот образец, точнее, схему образца, в соответствии с которым рассказывается сказка. Он сам отмечает, что в соответствии с его схемой можно создавать новые сказки. Причина парадокса в том, что Пропп ищет морфологию на пути реализации понимающего, т.е. феноменологического подхода, в то время как описание структуры, строения, как правило, связаны с задачами объяснения. Мы объясняем, например, феноменологическое поведение газа, строя его кинетическую модель, объясняем свойства кристаллов, выявляя их строение.

Пропп, правда, реализует и объясняющий подход к сказке, но уже в другой своей работе – "Исторические корни волшебной сказки"¹⁵. Древней основой сказки, с его точки зрения, является магический обряд инициации, широко распространенный в родовых обществах, обряд, в ходе которого юношей и девушек переводили в полноправных членов племени. Мысль Проппа сводится к следующему: первобытный обряд инициации сопровождался рассказом, истолковывающим его содержание; обряд умер, а рассказ продолжает жить до сих пор и передается от поколения к поколению. Иными словами, волшебная сказка, которую мы слушаем в детстве и которую сами

¹⁵ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

рассказываем или читаем своим детям, – это некое подобие волны, докатившейся до нас от древних времен магических охотничьих ритуалов. Перед нами, однако, генетическое объяснение, а не выявление структуры. В такой же степени, например, мы можем говорить не только о строении кристаллов какого-либо минерала, но и о его происхождении.

Пропп в своих работах описывает феноменологию рассказа, описывает его генезис или происхождение, а морфологию, строение просто не видит. У него просто нет той онтологической картины, которую дает нам естествознание. А между тем волшебная сказка, несомненно, имеет достаточно сложную эстафетную структуру, в рамках которой она в настоящее время воспринимается и функционирует. В рамках каких образцов ее воспринимает ребенок, какие образцы поведения или анализа действительности она ему задает? Все это достаточно сложные вопросы, на которые автор не встречал в литературе достаточно полного и адекватного ответа. В фольклористике при объяснении на первое место обычно выступает традиция, а строение ищут на пути понимающего подхода. Это некоторый методологический нонсенс.

Но Пропп не одинок. Рассмотрим сравнительно простой пример из мира семиотики – теорию собственных имен Готтлоба Фреге, известного логика и математика, который вряд ли нуждается в рекомендациях. Собственное имя типа «Вальтер Скотт» можно, согласно этой концепции, представить в виде треугольника, вершины которого – это имя как таковое, денотат, т.е. обозначаемый предмет, и смысл. Под смыслом при этом Фреге понимает «конкретный способ задания обозначаемого»¹⁶, т.е., вероятно, знание каких-то его признаков. Например, выражения «утренняя звезда» и «вечерняя звезда» обозначают один и тот же объект, планету Венера, но имеют разный смысл, ибо выделяют этот объект по разным признакам.

Можно ли считать, что семантический треугольник изображает строение имени? Если да, то мы сталкиваемся с уже разобранным выше парадоксом. Имя «Вальтер Скотт» произносится здесь и теперь, а реальный Вальтер Скотт давно умер. Какие здесь возможны связи? Можно ли представить себе структуру, состоящую из реально существующих и несуществующих элементов? Но дело в том, что семантический треугольник есть результат не структурного, не

¹⁶ Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 231.

объясняющего, а понимающего подхода. Он, как фактически уже было показано выше, представляет собой своеобразное описание феноменологии использования имени: имя «Вальтер Скотт» используется для обозначения объекта с такими-то признаками. Забавно, но если опираться на то понимание смысла, которое дано у Фреге, то семантический треугольник в определенном плане содержит самого себя в качестве элемента. Действительно, смысл по Фреге, как уже отмечалось, это «конкретный способ задания обозначаемого». Но в естественном языке этот способ представлен образцами словоупотребления, как и весь семантический треугольник. Получается довольно нелепая схема: мы выделяем особо имя и денотат, якобы связанные друг с другом, и тут же в качестве особого элемента помещаем образцы словоупотребления, которые как раз и задают и имя, и денотат и способ их связывания в практике речи.

И в завершение еще один пример аналогичного парадокса. Мы постоянно говорим о структуре, о строении научного знания, научной теории. Нередко работы в этой области напоминают «Морфологию сказки» Проппа. Согласно В.С. Степину, например, теория состоит из идеальных объектов типа материальных точек, сил и т.п. Но не означает ли это, что в качестве структурных элементов и здесь, как и у Проппа, выступают «действующие лица» произведения? Какие возможны связи между элементами такого рода? У Проппа один герой куда-то отсылает другого, у Степина сила вызывает ускорение материальной точки, на которую она действует. В обоих случаях происходит не выявление структуры, а некоторая схематизация содержания, т.е. реализуется понимающий подход. Я, разумеется, не против этого подхода. Все предыдущее изложение показывает, что он вполне правомерен и значим. Я против его идентификации с подходом объясняющим. Я настаиваю на том, что происходит неверная категоризация, в результате которой феноменологическое описание смешивается с выявлением строения.

Думаю, что основная заслуга изложенной мной концепции как раз и состоит в правильной категоризации семиотических исследований, в подведение их под обычную и давно сложившуюся в естествознании сетку категориальных представлений. Но задача не только в том, чтобы свести счеты с прошлыми традиционными проблемами. Гораздо важнее осветить новые. А тут мы наталкиваемся на достаточно серьезные трудности, ибо пока не

существует никакой более или менее надежной методики выявления эстафетных структур, не существует никакого признанного и убедительного опыта такой работы. Это широкое поле для исследования, и оно еще не освещено солнечным светом. Автор надеется, что он хотя бы указал на это поле.